

Евгения Хамуляк



Слеза Зари

12+

Евгения Ивановна Хамуляк

Слеза Зари

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63540171

SelfPub; 2020

Аннотация

В коллекции автора имеется особая жемчужина среди сказок – это былицы. Стилизованные под старые былины рассказы про добрых молодцев и красных девиц, которые легко отличают правду от кривды, живут по совести, уважают старших и мечтают жить в мире. Давайте у них поучимся и немного потешимся их приключениями.

Евгения Хамуляк

Слеза Зари

С утра встали, помолились высшим силам природным-премудрым и пошли на двор по хозяйству. Петухи только-только на забор взлетели, горло свое прочищая для славного предрассветного пения. Картина дивная предстала, ибо краше птицы гордой только фазаны лесные, что на опушку леса выходят танцевать по весне, распуская перья медные, не боясь охотников.

Заря Милославна, достав самый красный платок из запасов своих богатых, повязала его на юной и красивой голове старшей дочери Малины Филипповны, поцеловала ее в затылок нежно и усадила корову доить, присматривая. Да присматривать было зазря, ибо девушка доила Дочку умело и любя, будто всю жизнь это делала.

– Молоко с коровы брать надобно только поутру, – тихо вещала Заря Милославна.

– Да знаю, матушка, – обернулась дочка, – не беспокойтесь. Все помню. Телятам первоочередность, а потом уж люди. Да я и не ем молока, как и вы. А коли муж богатый попадетсЯ, да возьмем подмогу, не беспокойтесь, не забуду науку эту. Такое вряд ли забудешь, уж больно приятное занятие с животными возиться.

И продолжила доить кормилицу руками своими шустры-

ми и умелыми.

А Заря Милославна, в сторону вздохнув, слезу сдержала. Уж больно день сегодня был волнительный, любое действие чувства нежданные слезливые вызывало.

Пока доили, почуяли, что банька готова, разнесся аромат деревянной душистый на всю округу. Отец, значит, встал уже и за работы принялся.

Вышли к речке на зарю алую поглядеть, в честь которой матушку родители назвали. Поглядели-полюбовались заревом пылающим от красного до зеленого, который каждый день мир радовал и силу людям дарил, кому не лень было в сей ранний час подняться. А гляючи на речку Вихрю Могучую, которая змейкой домики резные симпатичные огибала, вся в пару да дыму от банек натопленных в день сей праздничный, все-таки пустила слезу Заря Милославна, за руку ласково дочку беря, а дите юное, на матушку плачущую глядя, тоже разревелось. Так уж устроена женская душа, видя слезы родительницы, сердцем сжимается и в унисон тоже плакать начинает, причем от счастья или горя – неважно, главное дружно и сердечно. Так и пошли в натопленную баньку, за руки взявшись.

Вошли в сени, разделись и давай воду колодезную пить. Ох, и приятно утречком после сна сладкого воды чистой напиться, только что набратой из источника. Во рту вода аж звенела, переливалась, язык да зубы покалывая, будто серебряными иголками точа.

Попили не торопясь, и давай друг другу косы расплетать. Приятное это занятие женское, когда матушка головы твоей касается, песню дивную напевая. А матушке как приятно, когда руки юные зрелую голову трогают и также нежно на половинки с четвертинками локонами укладывают на плечи все еще молодые, однако опыту хватившие.

– Ну, с Богом, – вздохнула матушка тяжело, на что дочка взрослая улыбнулась легко, и вошли в горячую.

Святое это место – баня. Здесь семья купается, усталость да грязь смывая, душой освежаясь. Здесь хвори телесные лечатся зимой и летом одним лишь ароматом лесным да умением врачевать, телом обновляясь. Здесь и уединяются, коли решение серьезное принять надо. Здесь и любовь любит-ся вдали от ненужных глаз, никому не мешая. Здесь и роды приходят, для семьи благословение, в чистоте да тепле для здоровья роженицы и дитя. Здесь мать с дочерью уединяются перед праздником большим, выходом в невесты на всеобщем празднестве. Уединяются, чтобы рассказала матушка своей дочери, что значит женою стать, как себя вести и хранить, как мужа любить, как детей рожать, хозяйство блюсти, как с соседями жить и с друзьями дружить в мире и гармонии, со всем и каждым и с собой. Что можно, что нельзя, да секреты свои, за жизнь накопленные или другой матерью переданные.

Необычный день был сегодня – предновогодний.

Убрали поля, собрали богатый урожай, потом и трудами

заработанный, – пора и отпраздновать хороший год и поблагодарить Землю-матушку квасом хлебным, пивом терпким да настроением своим радостным. И выходило на месяц этот славный золотой новое создавать: пары да семьи, мириться и объединяться, совещаться, как зиму пережить, ну, и просто радоваться по-соседски, по-людски.

Накануне этого большого праздника, перед самым Новым годом, на самом «на носу», как говорят в народе, собирали матушки своих старших дочек и уводили в баню на долгий разговор, на мытье да на вразумление. А отцы, в свою очередь, брали в баньку своих старших сыновей за тем же самым. Рассказывая да поучая.

Для начала разлеглась Малинушка на скамье кедровой для омывания. Убрала матушка бережно волосы ее светлые дивные, что водопадом золотым на полы деревянные раскинулись, взяла мочалку-скребок и давай намывать со старанием, как в детстве, девицу свою старшую. Намывать да восхищаться красотой ее неписаной, которую сама и породила.

– Знаешь, Малинушка, в быту да в заботах не было у меня совсем времени тебе сказать, как люблю я тебя крепко. Ведь ты у меня самая первая, – сказала и опять заплакала.

Взбудоражилась девица, вскочила со скамьи и в теплые объятия матушки упала с рыданием.

– Не плачь, мамушка. Так плачешь, будто мы с тобой прощаемся. Знаю, что любишь! И я тебя люблю без памяти! Больше всех на свете! Какая ты у нас – ни у кого такой нету!

Никогда тебя не брошу! Жениха так выберу, чтоб только рядом с домом, чтоб тебя и семью видеть каждый день. И полюбит тебя и батюшку, как меня. Иначе и не быть вместе, – затараторила растроганная девица, глаза васильковые ланьи росой наполняя.

– Это только боги наши славные и правные знают, куда тебя занесет, – всхлипывала Заря Милославна. – Но я не только поэтому растрогалась. Вспомнила, как ты у меня появилась, лицонько твое раскрасивое, будто из сказок волшебных, на меня воззрилось, и с тех пор жизнь моя круто изменилась. А вот уже день настал, когда я тебя в невесты готовлю, – вновь уложила дочку на кедровую скамью и давай пенить мылкой-мочалкой душевно. – Потом мне вспомнилось, на тебя глядячи, как меня матушка намывала когда-то, слезы роняя. Вспомнила и нашу с ней последнюю баньку, и как все повторяется поочередно неостановимо. А ведь как вчера пронеслось, – и руками показала, как года быстро-быстро перед глазами пролетели. – А ведь было это давным-давно, и тоже не верилось, что всего столько впереди пережить и узнать придется. Казалось все простым и ветреным. – Вздохнула уже легче. – С другой стороны, смотрю на тебя, сердце мое, и понимаю, что вся жизнь моя до вас будто сном прошла. Спала крепко, беспмятно, а проснулась только с вами. Век мой отсчет начал только с появлением тебя первой и продолжился счастьем большим под крылом отца твоего в тепле совместного проживания в нашем доме любимом.

Потому и расставаться жалко. Ходило мое сердце, гуляло, да под присмотром, а теперь – побежит, резвясь, куда жизнь понесет без моего дозволения. А возможно, и без помощи и совета своевременного в нужный час... Хотелось бы мне, чтоб опять ты в девочку назад превратилась и на колени мои присела, молоко всасывая.

Улыбнулась Малина-голубушка матушкиным причитаниям, встала и усадила родимую на скамью, сама присела к ней на колени, как той грезилось, и голову русую на шею белую сладкую мамину уронила нежно.

Обняла матушка взрослую дочку, словно девочку, и давай ее улюлюкать, как в детстве.

Знали обе, никогда этот момент волшебный более не повторится, потому не торопились, блаженствуя. И текло время медленно, угождая...

Как от матушки пахло, так никогда ни от кого пахнуть не будет. Да и мамушка со временем состарится, ссушится, потеряет этот аромат медово-молочный навсегда. Уже не посидишь на ее коленях стройных сильных, не почувствуешь себя слабой и укрытой со всех сторон заботливыми объятиями. Знала это Малина-голубка, хоть девочкой в уме еще была. Что для человека семнадцать лет? Легкий ветерок ветренный...

Ну а когда наобнимались-нанежились, уселись вновь мыться-париться. Да и жар, что отец натопил, ушел чуток, приятнее дышать березой черной священной стало.

Парила матушка Малинку, лечила ее прикосновениями своими и одновременно учила девчонку. Придет время ей самой лечить мужа, детей ли, родню придется, а прикосновения да беседа – лучшие лекари. Вот запомни: там надавить, здесь хлопнуть, там отшлепать, там локтем пройтись, ну а потом веником свежим распаренным, словно медом, смазать все сверху. Ох, и приятное это занятие лечить да лечиться! Лежала Малинка и слово не могла вымолвить от удовольствия. Матушка ее знатная банщица была. Отец и дети любили прикосновений ее медовых отведать. Хоть каждый день. Рука у нее была легкая на такие дела.

Малинка хоть и распаренная да вареная, как свеколка сахарная, лежала, да гляючи училась, что почем да почему. Глаз смотрел, уши слышали, руки привыкали. Так матушка ее отчеканила, так отстучала, яблочком наливным, красным да блестящим, себя девушка почувствовала. Даже мысли боязливые от предстоящего Нового года прошли. Только одно чувство осталось – ожидание чего-то волшебного.

Присели после мойки знатной, отдохнули, и теперича Малинка наученное на матушке опробовала. Омыла родимую и давай мять от души. Матушка женщина сильная была. Хоть на вид и хрупкая, да любила крепость во всем.

Пока пробовалась, Заря Милославна советы давала: где поднажать, где сбавить. Так и научилось.

Вышли после жары в предбанник и видят – пенный квас да пирожки с капустой ожидают. То значит, сестры малые

уже проснулись, принесли перекусить родным. Попили и поели от души. Вздохнули сладостно. Давай дальше разговаривать.

– А вдруг на меня никто не посмотрит завтра? – лукаво задалась Малинка.

– Еще при покосах десять сватов приходили про тебя узнавать, – гордо заметила Заря Милославна, – местные и соседние женихи. Красавица ты писаная, Малинка! В первых рядах возьмут. Не сомневайся! Другое главное, что ты скажешь, кого ты выберешь, – серьезно сказала женщина, на подушках в сених сладко развалившись.

Подивилась Малинка в очередной раз красоте своей матушки и загордилась, в свою очередь. Большая деревня хорошими людьми полна, на дальнюю округу слава идет о том, что добрые люди здесь живут, мастерству разному умелые, традициям верные, здоровьем сильные да женщинами красивые. И матушка одна из первых основоположниц этой славы доброй. Даже с других сел порой приходят на нее подивиться, совета спросить, помощи попросить или благословения. Знают, что никому не откажет, чем есть поможет.

А кто в настоящих друзьях у семьи ходит – гордится таким знакомством высоко. Ибо кто матушку с батюшкой знает, кого они, как друга, привечают – тот никогда не скучает. Верят люди, что раз всевышние создали семью такую верную, благословили на дела щедрые, значит, добрые те силы божественные и все хорошо на Земле Русской будет.

Засмотрелась и загордилась Малинка корнями своими благородными, а в душе поклялась хоть чуток на мать стать похжей в будущем.

Внимательно Заря Милославна в Малинку всматривалась, будто будущее заведя: мало того, что красавица, так и характер отцовский благодушный и распорядительный подарился. Не то что ей – суетный, беспокойный и мнительный, который полжизни первоначальной приходилось усмирять да совершенствовать. Значит, легче будет по судьбе Малинке-голубушке идти: мужу подчиняться, детей воспитывать, с друзьями-соседями дружбу водить.

– Страшно тебе, Малинка, отрываться от нас? – спросила родительница.

– Страшно, матушка, – честно ответила девушка и в окошко на небо синее взглянула. – Вроде хочется вперед бежать, да вдруг обожгусь... А остаться – на одиночество себя обрекать, а вас – на горе.

– А чего больше всего боишься?

– Как мне человека выбрать и не ошибиться, да так, чтобы на всю жизнь? Вижу я вокруг, вот хоть бы Стерегины да Куликушкины не прожили и пяти лет под одной крышей, до сих пор, увидев друг друга на улице, разворачиваются в обиде страшной. Веселушкина овдовела, потеряла вкус к жизни со смертью супруга, невеждой поживает. Врежанкин жену не уважает, напоказ себялюбиво ведет. У Казынкиных дом сторел, до сих пор Василиск горейную пьет, а дети черствый

хлеб едят. Как же мне б до такого не дожить?

– Правда это – не придумали зелья такого, которое счастье дарит. Может все начаться хорошо, да плохо кончиться. Может начаться без приязни, а с годами стерпясь, слюбится крепко. Иногда первая встреча дается, чтоб вторую ценить больше. А кому на роду и одиноким прожить суждено. И ничего тут не поделаешь... Нет рецепта единого, доченька, – проговорила Заря Милославна погрустневшей дочери, а потом продолжила: – Но есть опыт житейский и веды с вежами мудрые, накопленные нашими пращурами. Растили мы с отцом вас в этом опыте многовековом, где говорится, что дитя должно воспитанным быть и порядок знать, но при этом своему сердцу и уму доверяться. Ибо сердце врать не станет, каждый раз тебе подскажет: правильно шагаешь или нет.

Начнутся завтра гуляния... Много людей приедет разных: наших и не наших. Что внимание тебе будет щедрое – даже не сомневаюсь. Устрой наш позволяет тебе выбрать жениха какого пожелаешь, из любой стороны и любого сословия. Ты невеста знатная, с какой стороны ни посмотри: красавица, умница-разумница, из семьи порядочной.

А как выбирать? Открой глаза пошире, наостри уши чутко и молчи побольше: слушай, что говорят, да улыбайся. А как встретишь того самого, почувствуешь, как сердце из груди вырывается, дышать не дает, загорятся глаза, запылают уши, ноги слушаться перестанут, начнут подкашиваться – ну вот, знай, пришла любовь, – рассмеялась матушка заливи-

стым смехом, видя, что и дочери шутки забавные по нраву пришли. И страх разошелся.

– Жаль будет, если чужеземца выберешь и поедешь в дальние края, где нас нет. Ведь любовь, моя милая, как река – стихия непредсказуемая. Петляет, прерывается на ровном месте, потом вдруг из ниоткуда опять появляется, порой разветвляется и заканчивается. Плохо будет – далеко к нам ехать за утешением. Но понимаю я – сердцу не прикажешь. Поэтому первый совет мой тебе – не торопись. Сердце твое юное, жаркое может страсть за любовь принять. А на то тебе родители любящие под боком, чтобы помочь отличить одно от другого. Ибо счастье и любовь порой порознь идут.

– Я без твоего разрешения и благословения все равно замуж не выйду. Хочу, чтобы суженый мой и тебе понравился. А коли ему ты или наша семья не подойдут, значит, и он мне неподходящий, – серьезно сказала девушка, доставая песок речной из-под лавки, чтобы пятки материнские начистить перед Новым годом. И с усердием стала намыывать.

– Здравомыслишь, голубушка. Несчастный тот человек, у кого семьи хорошей нет. Ибо семья – это сила невиданная, и кто не смог найти общий язык с родителями – тот счастья себе и детям своим не хочет. Будут ждать его только мытарства да испытания. Коли полюбишь такого дурака, сто раз себя спроси: нужно ли тебе и твоим детям такое по жизни? – и проникновенно мать в глаза дочери посмотрела.

– Матушка, не мучайся, знаю я. И сестер горделивых Обо-

лонских помню, что за пришлых князей повыходили, да потом весточки грустные пришли, что из-за ревности покروшили мужья иноземные красавиц наших. И Верховных вспоминаю, что нашли мужа богатого да больного, и до сих пор семья мучается виной, что за золотом погнались, – спокойным взглядом ответила Малина.

– Умная ты у меня, Малинка. Вся в отца, – с теплотой погладила матушка голову дочери.

– Ты мне лучше про другое расскажи, – начала девушка. – Вот влюблюсь, замуж выйду и как же мне любить мужа моего? – и глазищи свои совиные лукаво на матушку уставила. Покраснела родительница, ждала вопроса этого, готовилась, а все равно врасплох застал.

– Все в тебе так устроено, что для любви приготовлено. Ибо как влюбишься, как на милого взгляд кинешь, все тебе в нем понравится. Все до последней родинки. Будешь любить и горбинку, и рыжинку, и проплешину.

Расхохотались обе.

– Ну, вот скажешь ты, матушка, как водой родниковой обольешь. Какая проплешина?! – пышкнула девушка.

– А что ты отбрехиваешься? Любовь, моя милая, зла – полюбишь и козла, – и по голове дочери тихонечко стукнула кулаком, играючи. – А как возьмет любимый за руку, загорится она огнем, и пламя это на все тело перекинется. Щеки запыхают, во рту пересохнет, так захочется, чтобы расцеловал тебя в губы сладко и жарко. Пройдет время и должно те-

бе все в нем понравится: и запах его, и манеры, и поцелуи, и прикосновения, и разговоры да привычки. Что не нравится – попробуй на это по-другому посмотреть, понять. И увидишь, что воспитывался он в другой семье и у них, видать, так принято. А коли семья хорошая да хоть с другим воспитанием – все равно плохому не научат. Поэтому так важно не торопиться и, прежде чем узами себя связать, присмотреться. На то в наших традициях срок испытательный выдерживается. Поедем к ним в гости смотреть на жизни уклад и на состав семьи. И вот тут второй мой тебе совет – испытай себя и его. Посмотри внимательно на отца суженого – вот таким он точно в скорости станет. Нравится? Или не нравится? Ибо большое заблуждение считать, что женимся мы на одном человеке, а на самом деле – на целом роду. И каждый день придется с этим родом встречаться, здороваться, кланяться, любить и уважать. А время пройдет, дети народятся, и тут никуда от рода не денешься. Все ошибки враз воротятся. Прозрение наступит, да поздно.

– Ты же не оставишь меня? – тихонечко спросила Малинка исподлобья, ноги мамыны омывая после песка и маслом облепиховым смазывая.

– Что ты, дорогая! Я и отец всегда за твоей спиной стеной стоять будем. Вот влюбишься, замуж выйдешь, будете дом свой строить. Поможем и двор сколотить, и баньку с огородом организовать. Пойдет новая жизнь у тебя, на эту совсем не похожая. Ты взрослая да умелая – справишься. Но жизнь

человеческая порой на погоду похожая, гром среди ясного неба грянуть может. И вмиг все испортится... Окажется все не так, как думалось и грезилось. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно, – поплевала через левое плечо матушка, – да муж твой может неверным оказаться, сердце разбить или еще какой изъян вылезет. Вот тебе мой третий совет, девушка: жизнь у тебя одна, не нужно ее попусту тратить, поэтому дай счастью и примирению три попытки. Не рви сразу. А коли в три раза так и не вышло – собирай свои пожитки и возвращайся в отчий дом, одна ли, с детьми ли. А коли нас не станет, к сестрам иди или еще куда, к добрым людям, но себя не растрачивай, бесполезным уговорам не поддавайся. Все так устроено в мире по-доброму, что если у тебя плохо все – не конец это. Ибо конец всегда хороший у былиц. А ты сама красавица дивная, у таких, как ты, должна быть не жизнь, а сказка.

– А тебя обманывали, матушка? – спросила Малинка.

– Моя мать говорила: никогда не верь обманщикам. Раз обманул – жди следующий. Но, несмотря на совет верный, я свой нашла: три раза людям шанс давать. А уж потом решать. И не подвело меня сердце. Слава Богу, не пришлось три раза оземь кидаться в отчаянии. Поэтому порой, Малинка, и взрослые ошибаются. В твоей жизни ты ответственна за такие решения будешь. Но совет и бабкин и мой прими к сведению. Расставь руки в стороны, на одну ладонь любовь положи и будущее с прощением, на другую – гордость с правдой. Не всегда первое перевешивает и не всегда второе.

И улыбнулась Заря Милославна, крепко дочь к груди прижимая. А в душе и в теле от своих же слов сердце материнское до боли сжалось. Говорилось в баньке не только хорошее, но на всякий случай и самое страшное оговаривалось.

– А было ли такое, матушка, что жалела ты, что замуж за батюшку пошла? Не желала ли вернуть прошлое? – серьезно спрашивала Малина Филипповна.

– Много раз, не буду скрывать, – просто ответила Заря Милославна. – Да только это все наносное: поначалу по молодости и из-за характера переменчивого, потом от усталости или от болезни какой, когда и божий свет не мил. Ибо если по правде я так считала б, то не раздумывала бы ни минуточки. Бывает, Малинка, такое – проходит любовь. Правда это... И сил нет под одной крышей оставаться. Несмотря ни на что. Любить ведь можно головой, – указала Заря Милославна на голову свою светлую прекрасную, со лбом высоким белым и глазами синими глубокими, будто озеро. – Сердцем, – и положила руку беленую на грудь красивую оголенную, троих детей вскормившую и только краше ставшую от материнства счастливого. – И телом любят, – рукой провела по красоте чувственной, стройной и ровной, которой любая девушка позавидовать могла. – Глупые и молодые в тело бросаются и забывают про все. Поэтому установили мудрые правила: раньше шестнадцати да без позволения родителей

не жениться. А мы не торопились с отцом, детство твое ласковое продляли, которое никогда, поверь, не повторится. До восемнадцати тебя берегли. Жить без любви – это как хлеб без масла и варенья кушать. Есть можно, да скучно и постно. Тот счастливый, который всеми тремя частями любовь понимает и в этом силу и радость черпает. Но должна сказать, с годами все меняется: ослабевает тело, тускнеет ум, сердце черствеет. И люди остаются друг с другом лишь из уважения за время проведенное. И это тоже дорого. Разлучает порой судьба супругов на долгие года, и ни головой, ни телом такое не понять, а вот сердце одно остается любить. И так возможно. Поэтому как сложится у тебя – не знаю. Да ты старайся любить от души. Ухаживай за своим чувством, как за цветком. И увидишь, что любовь – не данное, а приобретенное. А когда детишки появятся – это главным станет, что связывает на веки вечные взрослых людей.

И серьезно Заря Милославна в Малинку всматривалась, через очи и беседы пытаюсь внушить дочери веру в себя, в людей и в будущее.

– Вот восхищаюсь я тобою, матушка. Как это у тебя получается всегда веселой и радушной быть? Кого ни увидишь – приветишь. Все у тебя по местам, по полочкам. Всем успеваешь подарочки послать, весточку передать, поцелуйчики отвесить. Ничего не забываешь. Люди про тебя говорят – доб-

рая. Что ни день – у тебя все праздник, – вопрошала Малинка маму.

– Это только со стороны, глупенькая, кажется, что я все успеваю, – засмушалась матушка. – Но скажу тебе так: не всегда так было. По молодости, так уж случилось, бестолковой росла. Думала, мне все должны: растить, любить, подарки дарить, ухаживать и заботиться. Да только ждать долго приходилось, пока мне принесут, уберут и так далее. Легче и быстрее получалось самой все сделать, а еще и другим помочь по дороге. И как только за работу такую бралась, силушки во мне прибывало невиданно, что вокруг я еще десять дел успевала сделать. И заметила тогда такую особенность: чем больше для других стараешься, не ожидая ничего взамен, а так, мимоходом вроде, – тем больше силушки на свои дела остается. А уж если толк от дел получался или неожиданная благодарность приходила – так и вовсе счастье под потолок, когда пользу свою чувствуешь. И подарком лучшим становились друзья верные, от которых гостинцев и даров да помощи сваливалось – не сосчитать. Понимаешь, Малинка, у каждого человека в сердце будто сосуд хранится. Наверху страх лежит. Коли не жалко себя на других растратить, не боязно новое начинать, людям не страшно поверить, как самой себе, – страх вдруг исчезает, – вещала матушка трепетно. – Дальше злость хранится. Злых людей, Малинка, не бывает. Злость она у всех на одно лицо. Вот как маслом раскаленным на руку капнешь, ожесточаются все как один. Ибо

не злость это вовсе, а боль. Душевная или телесная – не важно. И чем больнее, тем яростнее. Звереет на глазах человек, в животное обращаясь. Оттого не принято в наших краях братьев меньших есть. Знают люди, кровь человеческая закипать от боли животной начинает и перепрыгивает ярость с одного на другого, будто хворь или чума. Ведь и зверям больно не меньше. Звери – значит с верой, то есть как мы. Стоит только в чужом человеке увидеть причину злости, за которой боль-то прячется, как он тебе понятным покажется. И злость на этого человека проходит. Глядишь, все не так уж мрачно и плохо. Как только из сосуда боль выветривается – наполняется он чудесным ароматом – любовью благодушной ко всему вокруг. Хочется все любить, всех обнять, сделать что-то доброе, подарить чего. Прибывает силушка для дел больших и маленьких. Добрыми людьми не рождаются, а становятся. Кто в любви и заботе рос – тому полегче немножко, на родителей-то гляючи. Есть пример. Ну а кого пронесло – тот должен сам додумать и, на плохой пример смотря, стараться вверх да вперед расти, как дерево из Священных Рощ...

Долго шли разговоры между матерью и дочерью. Много предстояло обсудить. Вопросы сложные и простые, важные и не важные, мирские и душевные. И плакали, и смеялись вновь, грустили и радовались вместе. Парились, отдыхали, спали, кушали и вновь за беседы принимались. Чтобы ничего не оставить недосказанным, недоопределенным, непоня-

тым.

И под вечер вышли из баньки томленными и умиротворенными, свежими и красивыми, будто розы цветущие. Малинка та и вовсе молчала, ощущая себя чашей наполненной, боясь расплескать благодушие от внимания родительского. Алым платком, подарком дорогим материнским, волосы русые распущенные покрывая, так и пошла спать, напевая что-то душевное, не отужинав. Полна была одной лишь лаской материнской.

А семья встретила радостно матушку: расцеловал муж жену хорошую, поластались дети дружные, откушали яств домашних и разбрелись отдыхать и поживать. Завтра ждал добрых людей праздник большой – Новый год.

И не было счастливее дня на всей земле добронравной, чем празднество Нового года. И чувствовался он слаще праздника дня рождения. Ибо в свой день подарки получаешь лишь ты, а на новогодний праздник все вместе. Все дарят и все получают! Повсеместно, от души, любя. Это людей радует и объединяет общим чувством.

Собиралось общество со всей округи на амарантовом поле, что имело красоту необыкновенную, веяло ароматом чудесным, Новому году под стать, где только волшебства, чудеса и удача ожидались и грезились.

С утра расставляли шатры алые нарядные, столы да ска-

мьи парадные, украшали их плодами зрелыми и хлебами пышными, разжигали костры высокие для приготовления кушаний лакомых и для священных действий во благо всевышних сил, что каждый день добрым людям помогают и оберегают. Для развлечения приезжали веселушки с веселухами со всех концов народ смешить, разные мастерские свои ремесла раскладывали и тут же обучали молодежь любопытную, рассаживались знатные забавники и выдумщики сказки сказывать и новостями удивлять население, становились в хороводы отрядные молодые ребята и девушки, что первый раз «в люди» выходят, себя показать, людей посмотреть, ну и ребятню носилась в разные стороны, щебеча и вереща, гонясь за змеями воздушными.

Мудрые отцы и матери семейств, основоположники и продолжатели традиций, тем временем гостей принимали со всех краев, знакомились, общались меж собой и с другими, совещались, выпивали, кушали и отдыхали после года работы и перед тяжелой осенне-зимней порой.

Погода стояла золотая. Божественная.

Встала Малинка поутру раннему, не спалось, сердце девичье колотилось невозможно, от него, родимого, от стука, галопом мчащегося, запылала щеки, будто зарей опаленные. Умылась, расчесалась, оделась в лучшие свои одежды, что сама весь год шила-вышивала в образах женских, и, помо-

лившись Ладе, Берегине, Костроме и другим женским богам, попрося благополучия, мира и удачи, спустилась к семье.

Встала Заря Милославна поутру раннему, сердце женское билось радостно, хоть и волнительно. Однако, зная прописные истины: «чему быть – того не миновать» да и «что делается – все к лучшему», умылась, расчесала волосы свои благородные, украсила стан свой перламутрами речными и ожерельями из бусинок радужных, что дочери умелые наплели ей в подарки, оделась в лучшие свои наряды и платки и, помолившись о радости и благополучии четверем богиням мировым, видеть семью свою счастливую и благоденствующую спустилась к столу.

Через время и малые девицы в косынках праздничных попускались, отец уж печку затопил. Поели пирогов с морковкой, взяли лукошки, полные подарков да гостинцев для родни и друзей, и отправились на празднество всеобщее – на Новый год.

Новый год наступил. Красивый это праздник. Радостный. Долгожданный. Самый любимый.

Кто грустил в тот день, потеряв надежду или близкого, обретал счастья глоток.

Кто разочаровался в чем – дыхание второе открывалось.

Ну а кто умел по жизни радоваться, после работы благородной отдыхать, тот и вовсе счастьем весь светился и других заражал.

Прибывали гости, все больше поле, благоухающее ароматом сладким и чудесным, наполняя. Приезжали, приходили, обнимались и расцеловывались крепко от души да в уста. Кто ведь друг друга год целый не видел! Только на празднике всеобщем и встречались. Счастливые лица вокруг. Кто болел – выздоровел. Кто на сносях ходил – уж на руках потомство убаюкивал. Кто молод был – подросток для хороводов. Ох, и летит время-времяшко, растут чужие дети быстро. Не поспеешь!

Приехала семья уважаемая и Филиппа Матвеевича, доброго гражданина своей земли, кого в округе «ювелиром» называли в шутку добрую. Ведь на хозяйстве у него было аж пять девиц. Жена – благородная и мудрая мать семейства, сама красавица, Заря Милославна, и четыре дочери – одна краше другой, гляючи на которых люди оборачивались, дивясь прелести сестер. Не уродилось в благородном семействе помощника мужского пола, к сожалению. Однако ж дочери, будто жемчужины в бусах дорогих, одна к одной шли, и говорили все, такое богатство может и получше будет. Ну а сегодня выходила в свет старшая из них – Малина Филипповна.

Зашли в круг почетный, где выборные главы всех деревень встречали-привечали гостей; смеялись, радовались

встрече. Мужчины побратались, женщины расцеловались крепко, щебеча и курлыкая, подарками обмениваясь. Показал Филипп Матвеевич старшую дочь товарищам своим, с которыми еще в детстве змеи воздушные запускал. Показала Заря Милославна Малину подругам своим закадычным, с которыми еще в молодости кашу из песка варила. Заохал народ от восхищения, похвалил семью, говоря, что Малинка – украшение праздника. Стали товарищи и своих представлять сыновей, у всех парни как на подбор. Давай хвалить-расхваливать и свой огород.

Закраснела Малинка, заробели ребята, и отпустили их родители на поляны хороводы водить да в свои разговоры разговаривать. Ибо хвали, не хвали, а сердцу не прикажешь. Насильно мил не будешь. Только попортишь все противостоянием своим отеческим.

А родители, будто десять лет последних с себя сбросив, сами помолодели на глазах. Недели женщины на головы своим мужьям венки чудесные из летних цветов да трав и сами в пляс да танцы пустились.

Ох, и весело на праздниках полянских! Люди других верований и традиций поглядеть заглядывали. Всех принимали. Всех угощали. Широкая душа у народа русского, всех вмещает, главное, что не тесно и дружно. Кто уставал от песен да плясок или от напитка, на хмелю молодом настоянного, так и падал на траву счастливым весь в венках да соломинках марантовых.

Наконец, многие, дела побросав, шли на молодежь смотреть, где жизнь и будущее искрились во взглядах молодых, улыбках открытых, рукопожатиях многозначущих.

Стояла Заря Милославна и радовалась, глядячи на мужа своего, словно в мальчишку обратившегося, с другими такими же сорванцами на кулаках силушку богатырскую, носясь, проверяючи. Силен был муж ее любимый, крепок. Смеялись и кричали задорно вокруг мужицким забавам. Сердце радовалось смотреть на игры шуточные.

Кинула взгляд на девчонок своих, что уж по пять венков наплели себе да подружкам, а потом принялись в горелки бегать играть. Это побросали в пылу юности и побежали, пятками сверкая, на веселушек смотреть, что представление давали на потеху.

Наконец, взглянула на рощу священную с березами белыми да черными у реки, где, не уставая, хороводы кружились, смехом юным, будто ручейком горным, переливаясь-журча. Сжалось сердце материнское, завидев Малинку-голубку, у березы голову преклонившую, щеками пылающую, а рядом молодой парень знакомый, из полянских, волнительно что-то вещал. Всмотривалась глазами своими материнскими, опытными и чуткими, и не заметила, как сзади подошла подруга ее давняя, обняла за плечи Зарю Милославну.

– Здравствуй, Зорюшка! С Новым годом! Я тебя ищу, никак не сыщу. А ты вот где, – радовалась встречи подруга верная.

– Здравствуй, Аленушка! С Новым годом! Как рада видеть тебя. Совсем не появляетесь с Мечиславом в наших краях. Неужели дела важные не дают оторваться? Празднику порадоваться? – обрадовалась Заря.

– Ох, работка у нас, скажем прямо, не сахар. Да кто-то должен следить за мироустройством в округе. Не все так просто, дорогая подруга. Счастья много везде, да и беды хватает. И счастливые несчастным помогать должны. Вот нас и избрали на такие дела, чтоб гармонию везде равновесить. Да ну что мы все про нас, – и посмотрела Алена Светозаровна на березовую опушку. – Вижу, праздник у вас большой да перемены счастливые. Начинается новая жизнь и новое счастье.

– Как время пролетело, сама не заметила, – согласилась Заря Милославна.

Замолчали обе, внимательно вдаль глядя.

– Ну, что скажешь, подруженька? – спросила родительница.

– Смотрю и вижу только хорошее. Как две капли воды на один листочек падают, в свете солнечном отражаясь радугой, сливаются в общее и ручейком дальше текут, все вокруг орошая и питая, – всмотрелась еще: – Две половинки одного яблочка.

– Ведаешь? – спросила Заря серьезно.

– Ведаю, хоть и на старуху бывает проруха, – засмеялась Алена.

Обнялись.

– Да я не так просто пришла, хоть всегда рада видеть тебя. Есть разговор у меня к тебе дружеский.

Удивилась Заря Милославна, но ничего не сказала.

– Вот вылетит голубка из семьи родительской, заживет своей жизнью, птичьей, молодой. А место ее в семье запустеет. Знаешь ты, подруга, что пусто место свято не бывает. Его обязательно чем-то заполнить надо будет. Или оно само заполняться начнет... Плохим или хорошим. И хоть вижу я, совсем не изменилась первая красавица на селе, как была краше всех, так и осталась, да поздно вам с Филиппом за сыном на базар ходить. Да и незачем.

Еще больше удивилась Заря таким разговорам, но опять ничего не сказала в ответ. Мудра ее подруга была, без дела серьезного не стала бы о таком разговор заводить.

– Вот сама и подумай: место пустует и надо чем-то его пополнять. Люди вы сильные, добрые, с любым справитесь. Только зачем силы высшие испытывать? Найди сама себе труд или дело, которое достойно твоим качествам благородным будет.

Насторожилась Заря Милославна и посмотрела туда, куда подруга загадочная стала указывать, в лес да в траву высокую. Повернула голову набок и узрела, как что-то в траве зашевелилось. А потом, присмотревшись, разглядела пару черных глаз, сверкающих сквозь травинки, наблюдавших за ней все это время.

– Жила-была одна семья в соседнем поселении. Хорошее село. Много людей добрых. Выпустили из гнезда они девицу молодую. Здоровая, красивая, ничего не скажешь, сама на свадьбе гуляла, видела, да только своенравная на характер... Женили на чужаке пришлом, совсем из далеких земель, где кровь густая, горячая течет. Крепкие люди там обитают, но самовольные, норовистые, с душами первобытными, животными. Мужчины у них высокие, как горы, красивые, как луга заливные, и гордые, как те птицы величавые, что в небе возвышенном летают. Прошло время, да только бедой обратился союз этот. На следующий год захотели вторую дочь замуж выдать, но не успели. Сбежала девчонка с тем красавцем, мужем старшей сестры. И словно в воду канули оба. Искали их – да без толку. Говорят, видели в разных местах. Вроде как живы-здоровы. Прошел еще один год. Поутихло все, да только ранним утром, прямо на пороге обнаружили лукошко берестяное, а там ребенок лежит. Вмиг узнали в облике малютки и сестру глупую, и мужа обманного. И не смогли родные, как ни старались, принять чадо любви грешной в свою семью. Больно смотреть на свои ошибки и огорчения. Их я в этом очень понимаю. Вот росло дите на попечении разных добрых людей да при помощи кровных родственников, пока к нам не попало. Нету этому исчадию грешной любви места нигде. Мы бы взяли, не раздумывая, да у нас таких черноглазых четверо. Нету места, а у тебя вроде как освободилось. Вот я и подумала... – спокойно закончила с чем при-

шла Алена Светозаровна.

Внимательно Заря Милославна подругу слушала, взглядом глубоким в суть разговора проникая. Каждый волос ее благородный чутко по ветру колыхался, каждому слову внимая.

И в третий раз ничего не сказала женщина, только в траву пронизательно вглядывалась. И игрой света подсвеченное, вдруг появилось личико смуглое девичье. Выскочило, показалось и опять в траву бросилось.

Разглядела Заря Милославна все что хотела: совсем маленькая девчушка-то, худенькая, как тростинка, смуглая, как уголек, ротик алым бантиком, а поверху усики уже черненькие. А глаза, глаза-то смоляные, как бусины агатовые. Ничего в них не видно, как в омуте.

– Взгляд колкий, будто иголками стреляет. Так и сил в них с иголку тонкую. Утыкано сердце обидами, совсем духа нет. Долго придется каждую занозу из сердца вытаскивать и медом любви чудодейственным смазывать. Вдвойне или втройне вниманием обласкивать, чтоб жить такая душа захотела заново, счастливо и без мук, – сама себе под нос заговорила Заря Милославна.

– Все верно. Тяжелое это дело чужих детей воспитывать. Да я и не тороплю. Пока у нас поживет. Вот таскаю везде за собой, а вдруг Силы Высшие смилостивятся – подарят девчонке прощение за грехи родителей, – и улыбнулась Алена Васильевна сама себе.

Тем временем ребенку надоело в траве прятаться, раз так и так ее обнаружили. Привсталла она и давай кувыркаться по траве, веселясь простыми забавами, глазами иногда посверкивая в сторону мудрых подруг.

Пока стояли смотрели, не заметили, как сзади подошел Филипп Матвеевич, радужно супругу обнимая и с подругой здороваясь:

– А я думаю, куда моя жена запропастилася?! А она с дружкой беседы беседует, – посмотрел на обеих и удивился их серьезности. Глянул в лес, куда они устались, и опять поразился. Забавная картина его очам представилась.

– А это что за чертенка-медвежонка тут кувыркается? – расхохотался муж по-доброму, сам себя веселя.

И случилось тут непредвиденное, как в народе говорят, волшебное. Вдруг привсталла на носочки девочка инородная, протянула ручки свои тщедушные в сторону мужчины светлого и побежала к нему стремглав, будто ждала этой встречи всю свою жизнь злополучную.

Раскрыл объятия свои крепкие Филипп Матвеевич на неожиданный порыв детский и обнял тепло и крепко. А пока обнимал тельце беспомощное, посмотрел вопросительно на жену свою, чьи глаза васильковые щемящими сердце слезами наполнились. И понял все.

– Видать, топить и топить мне баньки боги работу послали. На долгие года... Не состариться.